

1941/12.02

Асанова Динара

Экран и сцена - дод. - дек. (~41) - 9/16.

«Альгамбра», осень

ДМИТРИЙ САВЕЛЬЕВ

Альгамбра – загородный дворец мавританских владетелей Гранады. Его строили искусники-арабы, и по-арабски Альгамбра означает “красная”. Таков цвет камня, из которого она сложена. Русская догадка о родстве красного и прекрасного получила в тринадцатом веке испанское подтверждение на арабском архитектурном языке.

Франческа Таррега, испанский музыкант-самоучка, был пленен изысканной Альгамброй. Таррега играл на гитаре, которую упорно не хотели принимать в благородную семью классических инструментов. Ему пришлось сочинить “Воспоминание об Альгамбре” на фортепьяно и уже позже исполнить его на гитаре – говорят, именно тогда гитара и была признана.

Другой музыкант-самоучка уже не в Испании, а в Кыргызстане, и не в прошлые века, а в недавние девяностые, все мечтал исполнить “Воспоминание об Альгамбре” со сцены. Днем он самозабвенно репетировал, а по ночам торговал в коммерческой палатке, зарабатывал себе на репетиции. Кыргызский режиссер Эрнест Абдыжапаров сделал о нем неигровой фильм “Воспоминание об Альгамбре”.

Наконец, кыргызский киновед Гульбара Толмущова придумала кинофестиваль и назвала его “Альгамбра”. Не имея конкретно в виду ни испанский дворец из красного камня, ни ностальгическую мелодию Таррега, ни короткий фильм Абдыжапарова. Но имея в виду таинственное звучание и смысловое мерцание самого слова-знака, слова-образа: память об утраченном.

Первую “Альгамбру” посвятили Динаре Асановой, ей 24 октября могло исполниться шестьдесят, но она и эта цифра несоотносимы друг с другом настолько же, насколько трудно взять в толк, что семнадцать с лишним лет как Асановой нет. Уже посмертно, в 1985-м, она получила Государственную премию за изрезанных тем же государством “Пацанов”, получила буклет in

метопиат и внушительный том с воспоминаниями друзей и собственными текстами, получила два документальных фильма о себе – один остро талантливый, горький и резкий, другой сугубый, никакой. Сценарий ее незавершенной “Незнакомки” – не пропадать же редкому драматургическому опыту Юрия Клепикова и студийной “единице” – передали другому режиссеру, и тот сделал совсем другое кино “Соблазн”.

Кажется, на этом все утихло, кончилось. Ее имени нет в кинематографическом обиходе, ее фильмов почти нет в телевизионном обиходе. Редкий канал позволит себе роскошь расстаться с полутора часами эфирного времени ради “Никудышной” или “Не болит голова у дятла”. Так это обстоит у нас – что уж тогда говорить про ее родную Киргизию, ныне независимый Кыргызстан: чтобы восемь с половиной фильмов Асановой – за половину она держала свой короткометражный диплом “Рудольфис” – показать, надо у иностранной студии “Ленфильм” права купить, а денег нет. Там вообще с деньгами на “культурные” статьи расхода плохо дело: на кино за все независимое десятилетие ни копейки государственной не нашлось. Спасибо, студию не перепрофилировали под казино: странным образом в Бишкеке, бывшим Фрунзе, количество казино может соперничать только с количеством аптек – чуть не в каждом доме. Правда, улицу, на которой “Кыргызфильм” стоит, пере-

назвали в честь Асановой. Теперь обещают одному из выживших городских кинотеатров дать имя “Динара”. Не дошли пока руки до мемориальной доски на доме номер восемьдесят по Московской улице, где Динара жила, откуда уехала в Москву учиться во ВГИК, куда вернулась после ВГИКа и откуда, помыкавшись на “Кыргызфильме”, уехала в Ленинград, на “Ленфильм” – делать режиссерскую судьбу.

Зато дошли руки до этого маленького фестиваля – руки Гульбары Толмущовой как инициатора и мотора “Альгамбры” и руки фонда “Сорос-Кыргызстан”, взявшего на себя финансовое обеспечение проекта в рамках программы “Мосты взаимопонимания”.

С мостами и со взаимопониманием все очень не случайно получилось, правильно сошлось. Хотя бы потому, что, перебросив мост из киргизского кино в ленинградское, Асанова принадлежала тому и другому. Во всяком случае, ее ленинградское кино существовало отдельно в ленфильмовском пейзаже, легкие этого кино – что особенно ощутимо в раннем “Дятле” – были прочищены прозрачным восточным воздухом, литерская гарь и хмарь дали знать о себе позже. Вообще, над программой “Альгамбры” нависали мосты разнообразные. Из нынешних не самых счастливых дней кыргызского кино – в его роскошное прошлое. К чудному “Красному яблоку” Толмуща Океева, который совсем недав-

но лег в землю того же Ала-Арчинского кладбища, где похоронена Асанова. К жесткому “Зною” Ларисы Шепитько, где Асанова была ассистентом режиссера и где главную роль исполнил Болотбек Шамшиев – тогда студент режиссерского факультета ВГИКа, ныне патриарх национального кино. На третий фестиваль день отправились из Бишкека на Иссык-Куль, там в прибрежном пансионате, когда-то принадлежавшем местному ЦК, решили провести в рамках “Альгамбры” семинар “Место современного художника во времени и пространстве”, и в пути Шамшиев вспоминал про съемки “Зноя”. Про то, каким испытанием эти съемки обернулись, про то, как косила всех подряд болезнь, про то, как расстроился он, когда его герой был озвучен высоким голосом Семена Морозова.

Был переброшен мост и в Узбекистан, откуда прибыли “Мамочка” и “Небесные мальчики”. Оба эти фильма сделал Зульфакар Мусаков – режиссер, на которого, судя по всему, имеет серьезные виды узбекское кино, делающее ставку на качественный нехитрый мейнстрим. Славные истории, проходящие по тому же “детско-юношескому” разряду, к которому пытались в свое время прикрепить кино Асановой, а оно не поддавалось и правильно делало. Потому что оно было – кино, в отличие от милых “Мальчиков” и сладкой “Мамочки” – назидательных историй с живыми картинками, в этом смысле nasledующих, скорее, Илье Фрэзу, чем Асановой.

Она делала кино. Вернее, в ней было ощущение кино не как дела, а как жизни. в ней было – пересмотрите любой из ее фильмов, как пересмотрели их в Бишкеке на “Альгамбре” – острое и живое чувство, каковому есть научное холодное имя “киногения”. Это чувство и было ее правдой – в том смысле, которую она, вероятно, имела в виду, когда говорила: “У меня нет времени говорить неправду”.

